

Русск.диал. ч и л ь м а

Слово ч и л ь м а, засвидетельствованное в прошлом веке на территории Шенкурского уезда Архангельской губернии, областные словари приводят в значениях "чистое моховое болото, топкое торфяное пространство, без всяких лесных насаждений" (Опыт, 258), "моховое болото, топкий торфяник" (Подвысоцкий, 189). В словаре Даля (IV, 604) это слово имеет значение "топкое, моховое болото" и характеризуется как архангельское.

Я.Калима связывает ч и л ь м а с другим русским диалектным словом ч о л м а¹, зафиксированным в олонекских говорах (Куликовский, 132, 133), со значениями "мокрое болото, поросшее травой" (Каргопольский уезд), "залив" (оз.Мошинское)². Однако данные Куликовского вызывают сомнение: слово ч о л м а неоднократно было засвидетельствовано в течение последних лет Севернорусской топонимической экспедицией Уральского университета (СТЭ) на территории Коношского, Няндомского, Плесецкого районов Архангельской области, Вожегодского, Витегорского и Кирилловского районов Вологодской области, но в значении "пролив". Это полностью соответствует семантике источника заимствования — саамского языка (Фасмер IV, 371), так как саам.норв. čoaibme, патс. tščālm⁶, кильд. tšuałm^e, йок. tšīālm¹ означает именно "пролив" (ККС I, 671), а не "залив" и не "мокрое болото, поросшее травой".

Поскольку переход ч о л м а в ч и л ь м а на почве русского языка невозможен, так как полударное о не изменяется в и, этимологию Калимы можно было бы принять только в том случае, если допустить, что русск.диал. ч и л ь м а восходит к саам.йок. tšīālm¹, но, как уже было показано, сопоставление этих слов не обосновано с точки зрения семантики. Тем не менее Фасмер приводит этимологию Калимы без каких-либо оговорок (Фасмер IV, 371). Сравнение апеллятива ч и л ь м а с гидро-

1. J.Kalima. Kritisches zur frage über die finnisch-ugrischen elemente im russischen. — Rocznik alawistyczny 3. Kraków, 1912.

2. Оз.Мошинское находится на территории современного Няндомского района Архангельской области.

нием Ч и л ь м а (левый приток Печоры) (Фасмер IV, 306) ничего не проясняет. Апеллятив ч и л ь м а и гидроним Ч и л ь м а фонетически точно соответствуют друг другу, особенно если учесть, что в памятниках отмечена форма гидронима Ч и л ь м а¹, ср: "От Пустоозера 150 верст пала в Печеру река Чилма, а течет Чилма от реки Мезени из озера, протоку Чилми 270 верст"². Однако это сопоставление, если только совпадение апеллятива и гидронима не является случайностью, может раскрыть исходную семантику гидронима, но ничего не дает для установления этимологии апеллятива.

Изучение обширного лексического материала, собранного СТЭ на территории Архангельской области, позволяет по-иному объяснить происхождение слова ч и л ь м а.

К настоящему времени это слово зафиксировано уже неоднократно. Зона его распространения точно установлена: Шенкурский район Архангельской области (особенно кусты деревень Шоговары, Верх.Сима, Сред.Сима, Федорогорка) и крайний юг Верхне-Тоемского района той же области (кусты деревень Лахома и Семеновская по р.Ёрге, правому притоку Сев.Двины). Таким образом, с точки зрения лингвистической географии слово характеризуется двумя четкими узколокальными ареалами, расположенными по одной линии, идущей с запада на восток из района Шенкурска к деревням по реке Ёрге. Поскольку междуречье Ваги и Сев.Двины сильно заболочено и здесь нет населенных пунктов, выявленные ареалы слова ч и л ь м а могут быть объединены в одну общую зону, тем более что не обнаруживается никаких расхождений фонетического и семантического характера между ареалами.

Изучение толкований значения собирателями и контекстов позволило уточнить и семантику слова ч и л ь м а, которая оказалась несколько иной по сравнению с фиксациями прошлого века. Выяснилось, что ч и л ь м а — "глубокая яма (окно) на болоте, поверхность которой может быть водяной или моховой;

1. Кроме того, есть еще речка Ч и л ь м а (в картографических источниках — Ц и л ь м а) в бассейне Ваенги (правый приток Сев.Двины) и речка Ц и л ь м а в Плесецком районе Архангельской области.

2. Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950, с.162.

топкое место на болоте, трясина". Из контекстов видно, что чильмы — не болота, а части болот: небольшие по размерам, но глубокие "окна", которые представляют опасность для людей и животных. Ср.: || на бэ.ер.е ч.йл.мн образужутца | оно мохом за-
растало | да остало. || (Лахома); || оз.орца так.й.е на болот.е
| ч.йл.мн | воз.м.ош шест м.этра ч.этыр.е и дна н.е достан.еш
|| обратно выныривает || (Лахома); || ф.топк.их болотах ч.йл.-
ма јес. | коч.к.и | коч.к.и | и вода там откритая | тово и
глад.и утон.еш | дна-то н.эту | ч.йл.мн-то јес. ф.Подлук.и-
ном болот.е | много их || (Шоговары); || ч.йл.мн | глубо.к.и так.й.е
| пасти н.е фсад.ит. || ухнут. можно | ф.ч.йл.му | говор.ат |
упал || (Лахома); || уч.асточ.кам.и омуточ.ек то появля.аетца |
то тер.аетца | вот и ч.йл.ма || (Сред.Сима); || ч.йл.ма | она
омута врод.е | болото в.езуч.еје || (Верх.Сима); || ч.йл.ма та-
каја јама | што и дна н.эт || (Шоговары); || вот провал.ишо.а в
эт.и ч.йл.мн | дак и н.е вышолз.еш | трасуч.еје тако.је м.эсто ||
(Федорогорка); || так.й.с на јом ч.йл.мн | тако.јо пропасно.јо
м.эсто | пропас.т.и || (Верх.Сима).

Фонетический облик слова, его четкая, но ограниченная локализация, отсутствие параллелей в славянских языках — все это свидетельствует о том, что оно относится к иноязычным элементам русской диалектной лексики, в условиях русского Севера скорее всего — к финно-угорским. Вместе с тем распространение слова (небольшие остаточные ареалы в самом центре русского Севера вдали от мест современного обитания финно-угорских народов) позволяет видеть в нем не заимствование, а субстратное включение.

В финно-угорских языках нет таких слов, обозначающих виды болот, которые можно было бы привлечь для сопоставления с русск. днел. ч и л ь м а, и с учетом уточненной семантики поиск следует вести в ином направлении: финно-угорский оригинал должен иметь значение "яма, глубокое место, окно на болоте". Отсутствие прямых соответствий не должно смущать: "окна" на болотах в различных языках мира часто обозначаются метафорически. Суть этой метафоры выражена в русском слове о к н о < праалав. ѓ к ѓ н о < "о к о "глаз", ср.англ. window, др.-исл. vindauga "окно", буквально "глаз ветра" (Фасмер III, 128). Правда, слово о к н о и само по себе может быть использовано метафорически

для обозначения "окон" на болотах, ср. русск. литерат. *о к н о* "остаток водоема в болоте, трясины и т.п. в виде открытого углубления" (БАС УШ, 789), ср. также в архангельских говорах *о к н о* "открытое и весьма глубокое место на заросшем, заглохшем озере" (Подвысоцкий, 109). Однако данные семантической типологии прежде всего указывают на другую широко распространенную в различных языках мира семантическую модель *часть тела > объект* [глаз (око) > "глаз (= око) на болоте"], которую следует считать универсальной. Эта модель была описана, в частности, С. Ульманом как метафора антропоморфического типа. Н. И. Толстой, со своей стороны, подчеркивает, что параллельное употребление терминов в двух терминологических сферах — анатомической (часть тела) и географической — универсально². И далее он пишет, что *о к о* или *г л а з* "чистое от растительности глубокое место на болоте" известно не только в славянских, но и в балтийских, иранских, тюркских, арабском и других языках³.

Таковы, например (сохраняем передачу оригинала): араб. *а й н* "глаз" и "источник", перс. *ч е ш м* "глаз", *ч е ш м е* "источник", русск. *г л а з* "открытый участок воды среди болота", *г л а з и н а* "глубокая лужа в болоте"⁴, лтв. *аса* "глаз"

1. С. Ульман. Семантические универсалии. — В сб.: Новое в лингвистике, вып. 5. М., 1970, с. 277–278. Там же на с. 277 приводится красноречивая цитата из итальянского философа XVIII в. Дж. Вико: "Во всех языках большинство выражений, относящихся к неодушевленным предметам, образованы посредством переноса названий человеческого тела или его частей... Человек делает себя мерилом Вселенной".
2. Н. И. Толстой. К проблеме изучения славянских местных географических терминов. — В сб.: Местные географические термины. Вопросы географии, № 81. М., 1970, с. 52.
3. Там же, с. 53.
4. Э. М. Мурзав. Местные географические термины и их роль в топонимии. — В сб.: Местные географические термины, с. 32.

и "глубокое озеро", "пучина в болоте"¹, казах. к о з ь "глаз" и "источник"².

Недавно была предпринята попытка свести воедино анатомическую лексику народной географической терминологии разных языков³, при этом активность модели г л а з (часть тела) > г л а з (географический объект) была подтверждена новыми примерами из туркменского и азербайджанского языков (г ё з "глаз" - "источник, ручей")⁴.

Как видно из приведенных фактов, не является с этим отношением исключением и русский язык. Примечательно, что в тех же пенкурских (!) говорах Архангельской губернии в XIX в. было записано слово г л а з ь н а "духа или очень тонкое место на моховом болоте" (СРНГ VI, 187). В том же значении, а также в значении "окно с чистой водой на поверхности зарастающего озера" зафиксировано олонекское г л а з н ь к, фигурирующее в ярком примере "Лоня Микитка в глазник попал, да и до сей поры там" (СРНГ VI, 188). Даль (I, 354) приводит архангельское г л а з ь н а, г л а з о в ь н а, олонекское г л а з н ь к "окошко или колодец в болоте".

Вот, правда, некоторые отличия в семантике термина между "северными" и "южными" языками: в русском и латышском языках - "окно на болоте", в тюркских, иранских, арабском - "источник". Однако это отличие легко объясняется спецификой реалий: на севере - низменности и болота с коварными "окнами", на юге - голые плоскогорья и пустыни, где каждый источник на счету.

Универсальность модели позволяет высказать предположение, что она характерна и для финно-угорских языков. И действительно, в финском языке находим обе ее семантические разновидности: silmä "глаз" и вторичные silmäne "родник, ключ", "окно в болоте", silmäke, silmäkkö "омут, окно в болоте", silmäa "ключ, родник в болоте" (SKES IV, 1026). Ср. еще фин. lähteensilmä "родник, ключ" (ФРС, 348), дословно "глаз источника". Знает

1. В.Ф.Дамбе, Географические термины в топонимии Латвийской ССР. - В сб.: Местные географические термины, с.133.

2. Г.К.Конкашпаев, Общие особенности тюркоязычной географической терминологии Средней Азии и Казахстана. - В сб.: Местные географические термины, с.176.

3. Э.М.Мурзаев, Очерки топонимики. М., 1974, с.126-135.

4. Э.М.Мурзаев, Очерки топонимики, с.133.

эту семантическую модель и вепсский язык, ср. вепс. *sáim*, *sáim* "глаз" и *sáimlāhtq*, *sáimlāhtq* "окно в болоте" (СВЯ, 535, 536). Легко найти аналогии и в других финно-угорских языках: к-зыр. с и н "глаз" и м у с и н "окно на болоте, трясина; родник, ключ" (ССКЗД, 336), дословно "глаз земли". С к-зыр. м у о и н уже сопоставляли удм. о ш м е с-с и н "ключ" (с и н "глаз", о ш м е о "ключ") и хант. мёу сэм "родник, ключ" (мёу "земля", сэм "глаз"), дословно "глаз земли" (КЭСР, 256). Как любезно сообщил нам Г.М.Керт, саам. кильд. *šáim* "глаз" также употребляется в значении "окно воды на болоте".

Все эти факты наводят на мысль о том, что и в слове ч и л ь м а может скрываться такой же термин-метафора. Материалы финно-угорских языков позволяют обнаружить соответствующий етимон, ср.: фин. *silmä*, карел. *šilmä*, *silmä*, ливв. *silmū*, лнд. *šilm*, *šilm*, *silm*, *silmq*, *silmq*, вепс. *silm*, вод. *silmä*, *silm*, эст. *silm*, лив. *silma* = саам. норв. *šáilme*, ин. *šáilme*, колт. *tšáim^o*, кильд. *tšáim^o*, йок. *tšáime* = морд. *šeime* (эрв.), *šeime* (мокс.) "глаз" (SKES IV, 1026, 1027). Фонетически более далекие параллели есть и в марийском, пермских, угорских и самодийских языках: мар. *ajnzä*, *aj-n.DZä*, *šändzä*, *šín.džä*, *šín.džä*, удм. *šin*, *šin*, *šim*, коми *šin*, манс. *šim*, *šim*, *šim*, *šim*, *šim*, хант. *šim*, *šim*, *šim*, *šim*, не-нец. *šer*, *šer*, *šer*, *šer*, *šer*, нган. *šáime*, *šáime*, энец. *sei*, селькуп. *hái*, *sái*, *sái*, *sái*, *sei*, камас. *sima*, *sima*, *simo*, койб. *sima*, мот. *ssimä* "глаз" (SKES IV, 1027). Однако историко-географические данные в полном соответствии с собственно лингвистическими (фонетическими) позволяют в ходе дальнейшего анализа ограничиться материалом прибалтийско-финских, саамского и мордовского языков.

Нетрудно заметить, что с точки зрения консонантизма к русскому слову ближе всего саамское. Поскольку в исходном финно-угорском слове восстанавливается древний *š-, который только в саамском языке перешел в š, отражаясь в других финно-угорских языках в виде š, š, s (в финском *š- > s-, в мордовских *š- > š-)I, круг привлекаемых для сравнения языков, ка-

I. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974, с.122-123.

залось бы, можно сузить до саамского, тем более, что и мощный пласт саамизмов в субстратной топонимии русского Севера¹ позволяет думать о саамском происхождении слова ч и л ь м а. Однако анализ вокализма ударного слога свидетельствует о том, что в слове ч и л ь м а и саамском оригинале – разные гласные (ср. субстратное ж и приё –фин. i в соответствии с саам. a , $\hat{a}$, $\ddot{a}$, $\bar{a}$). Трудность с объяснением вокализма в свою очередь устраняется тем обстоятельством, что в саамском языке происходил переход $i > a$ ².

Таким образом, русск. диал. ч и л ь м а весьма интересно в том отношении, что может рассматриваться как доказательство существования * i (на месте более поздних звуков типа a) в древних саамских говорах. Кроме того, исходя из факта усвоения этого слова русским языком в период не ранее начала II тысячелетия н.э. (фактически, конечно, позже), когда началось освоение севера русскими, следует сделать вывод, что переход $i > a$ в саамском языке был довольно поздним явлением или что саамские говоры Заволочья были очень консервативны. На архаичность саамских диалектов Заволочья указывают, кстати, и другие факты³. Разумеется, здесь не место рассуждать о том, был ли переход $i > a$ прасаамским или он развился позже в различных саамских диалектах как результат действия общей тенденции.

Чтобы закончить с фонетической стороной вопроса, надо остановиться еще на мягком $л'$ в русском ч и л ь м а. В соответствующем общефинноугорском слове усматривают консонантную группу $-lm-$ с твердым l ⁴. Однако саам. $\bar{l}$, выступающее в этом слове в кольских говорах саамского языка (см. выше), является смягченным звуком. Г.М.Керт, описывая звуковой состав кильдинского диалекта, находит в слове $\bar{c}a\bar{l}\bar{m}$ долгий мягкий $\bar{l}$ ⁵. Очевид-

1. А.К.Матвеев. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем. – ВЯ, 1976, № 3, с.65–68.
2. K.B.Wiklund. Entwurf einer urlappischen Lautlehre I. Helsingfors, 1896, s.252–256.
3. См.: А.К.Матвеев. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. – ВЯ, 1969, № 5, с.47–48.
4. Основы финно-угорского языкознания, с.150.
5. Г.М.Керт. Саамский язык. Л., 1971, с.62.

но, русское мягкое л' в ч и л ь м а закономерно отражает мягкость согласного звука языка-источника.

Что касается появления а в абсолютном конце русского слова, то при усвоении заимствований с исходом на нетипичную для русского языка группу согласных или характерный для русских существительных среднего рода исход е, то это довольно обычное явление¹.

Итак, для русск.диал. ч и л ь м а прототипом было весьма архаичное финно-угорское слово с типичным саамским консонантизмом, но ударным вокализмом прибалтийско-финского типа. Возможно, что перед нами весьма архаичный саамизм, хотя с абсолютной уверенностью это утверждать нельзя: слово чельма может восходить и к особому финно-угорскому языку, который имел "саамское" џ, но обладал "прибалтийско-финским" вокализмом².

В заключение заметим, что использованные в статье методические приемы в какой-то мере близки к этимологическому моделированию³, которое было применено нами в топонимических исследованиях³.

-
1. А.К.Матвеев. Некоторые вопросы освоения диалектных заимствований (на материале заимствований из финно-угорских языков). - *Studia Slavica Acad. sci. Hung. I*, 3-4. Budapest, 1959, в.435-436.
  2. Ср.: А.К.Матвеев. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера, с.52.
  3. См.: А.К.Матвеев. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем.